

Бе Чуньхун. Фразеология как средство репрезентации акционального кода (на материале русского и китайского языков) / Бе Чуньхун // Научный диалог. — 2018. — № 12. — С. 24—36. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-24-36.

Bie Chunhong. (2018). Phraseology as Means of Representation of Actional Code (by Material of Russian and Chinese Languages). *Nauchnyy dialog*, 12: 24-36. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-24-36. (In Russ.).

УДК 811.161.1'373+811.581'373

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-24-36

Фразеология как средство репрезентации акционального кода (на материале русского и китайского языков)

© Бе Чуньхун (别春红, 2018), orcid.org/0000-0001-9164-2786, SPIN-code 2292-3583, аспирант кафедры русского языка, Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия), 350612571@qq.com.

Статья посвящена изучению взаимодействия языка и культуры сквозь призму лингвокультурного кода. Указывается, что рассмотрение данной темы актуально для развития теории и практики межкультурной коммуникации, при этом акциональный код является в настоящее время недостаточно изученным. Материалом для исследования послужили русские и китайские глагольные фразеологизмы, которые рассматриваются как средство репрезентации акциональной разновидности лингвокультурного кода. Особое внимание уделяется анализу устойчивых выражений, значения которых характеризуют поведение человека, а также его речевую, интеллектуальную, психическую деятельность. Показано, что в русских и китайских идиоматических выражениях глаголы используются асимметрично, при этом они объединены общим значением действия, выступают в качестве семантически мотивированного носителя культурной коннотации, внося в значение фразеологизма чаще неодобрительную окраску. Автор сопровождает приведенные примеры культурологическими комментариями, необходимыми для выявления стереотипных национальных представлений. Отмечается, что акциональный код лингвокультуры как доминантное понятие мало представлено в лингвокультурологических исследованиях, и столь же немногочисленны работы, посвященные сопоставительному изучению фразеологизмов двух языков.

Ключевые слова: лингвокультурный код; акциональная разновидность; русская и китайская фразеология; культурный комментарий; менталитет.

1. Понятие «акциональный код» в русской лингвокультуре

Согласно исследованиям русских и китайских лингвистов, лингвокультурный код, соотносимый с древнейшими архетипическими представлениями человека и имеющий символическую природу, отражает национально-культурную специфику менталитета какого-либо народа. Он является средством вербализации культурных кодов, в рамках единиц лингвокультурного кода происходит корреспонденция культуры в язык.

Изучение лингвокультурных кодов важно для развития теории и практики межкультурной коммуникации, однако не все разновидности этих кодов изучены одинаково детально. К числу наименее исследованных лингвокультурных кодов принадлежит акциональный код, являющийся одним из базовых, то есть основополагающих для любой лингвокультуры.

Акциональный код как один из доминантных кодов русской лингвокультуры включает в себя наименования разнообразных физических действий разной степени сложности. Он отражает «представление человека об окружающем мире, взаимоотношениях между людьми, о внутреннем мироустройстве и т. п. посредством определенных стереотипов, эталонов, культурных универсалий» [Мигранова, 2010, с. 21]. Исследование акционального кода направлено на выявление неочевидных смыслов глаголов, участвующих в его создании.

Акциональный код — широкое понятие, поэтому можно сказать, что он охватывает элементы лингвокультурологического поля, вершиной которого является концепт ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. Наиболее полное описание акционального кода через средство анализа глагольных компонентов представлено в словаре В. Н. Телия «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» [Телия, 2012]. Исследователи относят акциональный код к основному коду культуры, предлагают классификацию видов деятельности. Основа акционального кода — это представления о действиях, имеющих для человека особую значимость, кроме того, в нём находит отражение восприятие человеком окружающего мира через стереотипы [Там же]. Вслед за В. Н. Телия, мы с опорой на классификацию различных видов деятельности человека описываем особенности использования акционального лингвокультурного кода во фразеологии путем изучения акциональной метафоры, то есть тех образов, которые содержат отсылку к деятельности.

2. Материалы исследования и метод анализа акционального кода

В русской и китайской идиоматике существуют многочисленные фразеологизмы, реализующие акциональный лингвокультурный код. Они ре-

презентируют сходство восприятия какого-либо действия в обеих культурах. Некоторые из фразеологических единиц похожи по форме, значению и коннотативным характеристикам (эмоциональной, экспрессивной и стилистической окраске), например: 火中取栗 — *таскать каштаны из огня*; 火上浇油 — *подливать масла в огонь*; 赴汤蹈火 — *идти в огонь и в воду*; 卑躬屈膝 — *гнуть свою голову*; 咬牙切齿 — *точить зубы*; 守口如瓶 — *держат язык за зубами (на привязи)*; 忘恩负义 — *забыть хлеб-соль*; 忍气吞声 — *глотать пилюлю*; 想入非非 — *витать в облаках, витать между небом и землей*; 溜须拍马 — *рассыпаться мелким бисером*; 一举两得 (буквально «одно действие — две пользы») — *извлечь двойную пользу из чего-либо или убить двух зайцев*; 徒劳无益 — *толочь воду ступе*; 水中捞月 — *носить воду решетом*; 引狼入室 (буквально «привести волка в дом»), что означает привести плохих людей или врагов к себе, в результате принести хлопоты) — в русском варианте *пускать козла в огород* ‘позволять кому-либо действовать там, где он может быть особенно вреден’ [Фёдоров, 2008, с. 547] и т. п.

Помимо приведенных выше идиом, имеется ряд русских и китайских фразеологизмов, сходных с точки зрения содержания и коннотаций. Мы проанализировали некоторые русские и китайские фразеологизмы с глагольными компонентами, характеризующими поведение человека, а также его речевую, интеллектуальную, психическую деятельность, опираясь на идею классификации фразеологизмов согласно разным видам деятельности человека.

Русские фразеологизмы и комментарии к ним извлечены из фразеологических словарей русского языка [Бирих и др., 2007; Телия, 2012; Фёдоров, 2008]. Исследуемые языковые единицы принадлежат к фразеологическим единствам, значения которых мотивированы метафорически и метонимически переосмысленными словесными комплексами-прототипами [Виноградов, 1977, с. 140—161].

Китайские фразеологизмы (в узком понимании), состоящие из четырех слов и включающие глагольный компонент, извлечены из «汉俄成语词典 (Китайско-русского словаря идиоматических выражений)» [汉俄成语词典, 1998]. Далее в статье проанализированы 33 фразеологизма с глагольным стержневым компонентом, значения которых, в том числе коннотативный компонент, формируются в результате метафорического и метонимического переосмысления свободных словосочетаний. В китайском языке такие фразеологические единицы представлены цитатами и аллюзиями, извлеченными из басен, историй и легенд. Методы их исследования основаны на выявлении скрытых смыслов, которые передают глаголы, участвующие

в репрезентации акциональной разновидности лингвокультурного кода, и составлении лингвокультурологического комментария к глагольным фразеологическим единицам. Особое внимание уделяется анализу метафорического переосмысления глаголов, которые в сочетании с остальными компонентами фразеологизма формируют культурную коннотацию.

3. Сопоставительный анализ акционального кода в русской и китайской идиоматике

В данной части работы мы рассмотрим особенности реализации акционального кода в двух культурах на примере фразеологических выражений, значения которых репрезентируют разные виды деятельности человека. Отобранные для анализа фразеологизмы мы разделили на несколько групп.

Первая группа «Речевая деятельность» объединяет идиомы, передающие стереотипное — преимущественно негативное — восприятие человеком непродуктивного речевого поведения.

1) *Разводить антимонию* — ‘болтать, пускаться в лишние, отвлекающие разговоры’; компонент *разводить* соотносится с антропо-деятельностным кодом культуры; в данном фразеологизме запечатлена стереотипная для русского самосознания культурная установка: недостойно человека заниматься пустым делом [Телия, 2012, с. 581]. Согласно одной из версий, выражение связано с французским названием сурьмы — *antimoine*, в этом случае предлагается мотивировка «разводя сурьму, люди вели пустые разговоры» [Бирих и др., 2007, с. 27]. В китайском языке идиома 东拉西扯 (*dōng lā xī chě*) буквально означает ‘восток вытаскивать, запад вытаскивать’, в прямом адаптированном значении — ‘то болтать о востоке, то болтать о западе’, в метафорическом — ‘нести околесицу, вздор’ [汉俄成语词典, 1998]. В данном выражении глагол *вытаскивать* замещает слово *болтать*: движения тела метафорически проецируются на речевое действие. В китайском языковом сознании восток и запад представляют максимально отдаленные друг от друга, крайние точки, поэтому их упоминанием передается наибольшая степень проявления какого-либо признака или характера действия. В данном фразеологизме компоненты 拉 и 扯 — это расщепленные части самостоятельно употребляющегося фразеологизма 拉扯 со значением «вести праздную беседу, болтать» [Ветров, 2007, с. 91—92]. Для русского и китайского сознания обнаруживается общая культурная установка: недостойно человека заниматься пустопорожним делом.

2) *Петь с чужого голоса* — ‘не имея собственного мнения, высказывать, повторять чужое’; это выражение первоначально связывалось с подража-

нием пению кого-либо в несвойственной поющему манере, предполагало перенимание мелодии с голоса; образ фразеологизма здесь мотивирован древним метонимическим отождествлением голоса и речевой способности и её результатов в виде слов, мнений и т. п.; в основе выражения находится антропоморфная метафора, в которой процесс говорения отождествляется с пением и определяется прилагательным *чужой*, которое и указывает на несамостоятельность мнений человека [Телия, 2012, с. 519]. Китайское выражение 鸚鵡學舌 (yīng wǔ xué shé) имеет буквальное значение «попугай учится говорить» и переносное — ‘говорить как говорят другие, повторять слова других’ [汉俄成语词典, 1998]. Попугай у китайцев ассоциируется с животным, которое умеет произносить звуки, подражая словам людей, поэтому в древности людям нравилось дарить попугаев, обученных произносить комплименты, своим начальникам, любимым, чтобы им угодить. Здесь также прослеживается мотив перенимания звуков с чужого голоса, что свидетельствует о несамостоятельности говорящего, в частности, несамостоятельности мнений какого-либо человека.

3) **Бросать слова на ветер** — ‘говорить впустую, необдуманно или безответственно’; образ фразеологизма восходит к предметной области культуры, где словам метафорически приписываются свойства твердых предметов, которые можно бросить; компонент *бросать* принадлежит к антропо-деятельностному коду культуры; компонент *ветер*, согласно древнейшим мифологическим представлениям, отсылает к способности ветра бесследно уносить предметы [Телия, 2012, с. 58]. Эквивалентом данного фразеологизма в китайском языке является идиома 信口开河 (xìn kǒu kāi hé), которая дословно переводится «рот в рот, говорить, как открытая река» (образ «говорливой» реки, журчащей воды универсален для разных лингвокультур), что в переносном употреблении означает ‘говорить небрежно, без повода, болтать что попало’ [汉俄成语词典, 1998]. Русский и китайский фразеологизмы передают одинаковое представление о пустых, ничего не значащих словах.

4) **Петь дифирамбы** — ‘расточать чрезмерно восторженные похвалы’; фразеологизм выражает неодобрение преувеличенного восхваления кого- или чего-либо, обычно с оттенком иронии; компонент *петь* принадлежит к антропо-лингвальному коду; образ фразеологизма отражает древнейшую метафору: ритуальное прославление бога Диониса, которое, будучи адресовано обычному человеку, является неуместным [Телия, 2012, с. 519]. Китайский фразеологизм 歌功颂德 (gē gōng sòng dé) дословно переводится «петь подвиг и воспевать заслугу», имеет значение ‘угодничать перед другими’; говорится с неодобрением о ситуации, когда проявляется

подобострастное отношение к кому-либо [汉俄成语词典, 1998]. Таким образом, оба фразеологизма репрезентируют стереотип чрезмерного восхиления.

5) **Метать бисер перед свиньями** — ‘высказывать мысли и чувства тому, кто не способен или не хочет понять и оценить их по достоинству’; компонент *метать* соотносится с антропо-деятельностным кодом. Фразеологизм восходит к выражению из Евангелия: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга [ц.-сл. *бисеръ*] вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» [Бирих и др., 2007, с. 52]. Бисер в составе образа фразеологизма символизирует ценность, а свинья, напротив, ассоциируется с низменным, таким образом, в целом выражение выступает в роли символа поднесения дара недостойным его воспринять [Телия, 2012, с. 382—383]. Выражение 对牛弹琴 (*duì niú tán qín*) буквально означает ‘перед коровами играть на цинь’ (цинь — музыкальный инструмент), в метафорическом значении — это напрасная трата усилий, когда говоришь для тех, кто не может понять [汉俄成语词典, 1998]. В данном фразеологизме содержится древняя китайская аллюзия на историю о человеке по имени Гун Миньши, который играл на цинь перед коровами, а животные паслись и не обращали на прекрасную музыку никакого внимания. Оба фразеологизма символизируют поднесение дара недостойным его воспринять.

6) **Метать громы и молнии** — ‘ругать, не сдерживая чувства крайнего раздражения, гнева, негодования’, фразеологизм, в котором компонент *метать* соотносится с антропо-деятельностным кодом, передаёт стереотипное представление о напористо-активном действии, содержит природную метафору, которая означает состояние крайней разгневанности человека [Телия, 2012, с. 381]. Фразеологизм 大发雷霆 (*dà fā léi tíng*) также содержит компонент *гром*, с которым сравнивается гнев человека, иначе выражение означает ‘громко и грубо поносить других, ругать’ [汉俄成语词典, 1998]. Русская и китайская фразеологические единицы фиксируют стереотипное представление о состоянии человека, находящегося в крайнем раздражении, гневе.

В отличие от представленных выше имеющих негативные коннотации фразеологизмов, связанных с речевой деятельностью человека, последнее выражение, которое мы хотели бы проанализировать в рамках этой группы, употребляется с одобрением: **открыть душу** — ‘откровенно, искренне делиться с кем-либо своими заветными мыслями, чувствами, переживаниями’; глагол *открывать* также соотносится с антропо-деятельностным кодом культуры. Образ фразеологизма основывается на пространствен-

но-антропной метафоре, которая уподобляет внутренний мир человека личностному пространству, скрытому от постороннего наблюдения, при этом обычно человек открывает сокровенное, свою душу и сердце другому в особых случаях, «оказывая ему высшее доверие, ибо душа исповедима лишь Богу» [Телия, 2012, с. 505]. Фразеологическая единица 敞开心扉 (chǎng kāi xīn fēi) обозначает позитивное действие со значением ‘раскрыть сердце перед другими’ [汉俄成语词典, 1998]. Оба фразеологизма выражают стереотипные представления русских и китайцев об искреннем, доверительном отношении к кому-либо и совпадают в символизации внутреннего мира человека как замкнутого пространства.

Вторая группа «Интеллектуальная деятельность» объединяет фразеологизмы, репрезентирующие акциональный код в русской и китайской лингвокультуре и отражающие неодобрительную оценку действий человека.

1) *Стричь под одну гребёнку* — ‘необоснованно и неоправданно уравнивать, не считаясь с различиями’. Существуют разные версии происхождения фразеологизма: согласно одной из них — выражение заимствовано из немецкого языка (хотя известно и другим европейским языкам) и первоначально имело значение ‘причесывать грубую и тонкую шерсть овец одним и тем же гребнем’, после получило значение ‘обращаться со всеми одинаково, не делать при обращении с кем-либо различий’ [Бирих и др., 2007, с. 164]. По другой версии, выражение связано с солдатской «стрижкой под гребёнку» [Там же]. Глагол *стричь* относится к антропо-деятельностному коду, совокупность компонентов *под одну* принадлежит к числовому, а *гребёнка* — к вещному коду [Телия, 2012, с. 677]. Китайский фразеологизм 一概而论 (yī gài ér lùn) буквально переводится ‘одним скребком взвесить вещь (товар, пшено и т. п.)’, 概 — это инструмент, который в древности использовался для взвешивания зерна; в современной речи идиома имеет значение ‘без разбора рассматривать вещи по единым стандартам, без анализа различий’ [汉俄成语词典, 1998]. Фразеологизмы передают уравнительное отношение к кому-, чему-либо, что осуждается в обеих культурах.

2) *Не видеть дальнейшего своего носа* — ‘не замечать очевидного, быть крайне недалёким’; компонент *видеть* соотносится с антропо-визуальным кодом культуры; в основе фразеологизма лежит метафора, маркирующая сходство между зрительной способностью человека и его интеллектом; лицо с ограниченным кругозором, как будто запёртое в своем внутреннем мире, оказывается интеллектуально ограниченным и недалёко-видным [Телия, 2012, с. 462]. Китайское выражение 鼠目寸光 (shǔ mù cùn

guāng) имеет буквальное значение ‘глазами мыши могут увидеть только один цунь’ (цунь — единица измерения, три цуня равны одному метру). Метафорическое значение описывает того, кто не способен предвидеть последствия своих поступков [汉俄成语词典, 1998].

3) *Ставить с ног на голову* — ‘переиначивать; представлять ситуацию противоположно тому, как должно быть’; глагол *ставить* принадлежит к процессуально-деятельностному коду культуры; в данном фразеологизме содержится пространственная метафора, в основе которой стереотипное представление об активном действии, направленном на изменение ситуации, создаваемое за счёт глагольных компонентов *ставить / поставить, переворачивать / перевернуть*; кроме того, соматический компонент *с ног на голову* — крайние точки в вертикальном измерении тела человека — связывается с крайними пространственными точками и их перестановка отображает стереотипное представление о намеренном искажении реального положения дел [Там же, с. 658—659]. Фразеологизм 本末倒置 (běn mò dào zhì) означает ‘перевернуть первичное и вторичное’. В китайской культуре 本 — корень дерева, 末 — крона дерева, так образ фразеологизма соотносится с фитонимическим и пространственным кодами культуры: крайние точки в вертикальном измерении дерева соотносятся с пространственными крайними точками: перевернуть корень и крону — значит перепутать важное и неважное [汉俄成语词典, 1998].

Третья группа фразеологизмов, воплощающих общее значение «Психическая деятельность», объединяет языковые единицы, характеризующие эмоциональное состояние представителей той или иной лингвокультуры:

1) *Сердце кровью обливается* — ‘невыносимо сильное ощущение душевной боли’; компоненты *кровь* и *обливаться* соотносятся с антропно-физическим кодом культуры; фразеологизм основан на метафорическом переносе, уподобляющем кровь слезам, а чувство сострадания к кому-либо — «сердечному плачу»; идиома отражает стереотипное представление о состоянии одного человека, глубоко сочувствующего другому [Телия, 2012, с. 630—631]. Выражение 心如刀割 (xīn rú dāo gē) дословно переводится «сердце как будто нож режет» и означает сильную боль в сердце [汉俄成语词典, 1998]. В китайском языковом сознании образ ножа в сердце (есть сходный образ и в русской лингвокультуре) отражает стереотипное представление о мучительном эмоциональном состоянии.

2) *Сбросить с плеч* — ‘избавляться от чего-либо обременительного, доставляющего много хлопот и проблем’. Компонент сбросить соотносится с антропно-деятельностным кодом культуры, фразеологизм содержит метафору, в которой освобождение от неприятных забот, дел, хлоп-

пот уподобляется сбрасыванию с плеч вниз тяжёлой ноши [Телия, 2012, с. 356—357]. Идиома 如释重负 (rú shì zhòng fù) в дословном переводе «как будто бросить тяжелый груз» метафорически описывает расслабленное и счастливое состояние после сильного напряжения [汉俄成语词典, 1998]. Оба фразеологизма отражают стереотипные представления об избавлении от тяжелой эмоциональной нагрузки.

3) *Падать духом* — ‘унывать, отчаиваться’; фразеологизм имеет неодобрительную коннотацию; компонент *падать* связан с наиболее древним, восходящим к архетипическим формам видения мира противопоставлением «верх — низ», где «верх» — небо, а «низ» — преисподняя, и соотносится с пространственным и физически-процессуальным кодами; лежащая в основе метафора уподобляет физическое падение утрате характерного для духа состояния полёта; идиома отражает стереотипное представление о человеке, который впал в уныние и отчаяние [Телия, 2012, с. 511—512]. Фразеологизм 垂头丧气 (chuí tóu sàng qì), дословно означающий «склонить голову и потерять дух», используется для описания разочарования из-за неудачи [汉俄成语词典, 1998] и свидетельствует о сходстве русских и китайских стереотипов.

Четвертая группа «Поведение» объединяет языковые единицы, характеризующие неискреннее, хитрое, неразумное или деструктивное поведение человека и отражающие стереотипное представление о неправильном и аморальном образе жизни в русской и китайской лингвокультурах:

1) *Держать <носить> камень за пазухой* — ‘испытывать тайное недоброжелательство по отношению к кому-либо; таить злобу против кого-либо’; компонент *держат* соотносится с антропо-деятельностным кодом культуры, указывая на хранение чего-либо с целью использования, в данном случае камня, выступающего в роли оружия, скрытого от посторонних глаз (за пазухой); идиома отражает стереотипное представление о скрытом недовольстве кем-либо, о желании причинить кому-либо неприятности [Телия, 2012, с. 169]. Фразеологизм 怀恨在心 (huái hèn zài xīn) имеет буквальное значение «скрывать недовольство в своем сердце» и характеризует состояние человека, который испытывает ненависть к другим людям и ждет возможности ответить [汉俄成语词典, 1998].

2) *Небо коптит* — ‘существовать без определённой жизненной цели, жить без пользы для других’; компонент *коптит* соотносится с антропо-деятельностным кодом культуры; в основе фразеологизма метафорический образ постепенного угасания, воспринимаемого как загрязнение неба; выражение передает стереотипное представление о бессельном, бесполезном существовании [Телия, 2012, с. 476—477]. Данному фразеоло-

гизму в китайском языке соответствует идиома 无所事事 (wú suǒ shì shì), которая буквально переводится «нет места делать что-то или какую-либо работу», которая означает ‘ничего не делать’ [汉俄成语词典, 1998].

3) *Сидеть и ждать у моря погоды* — ‘бездействовать в ожидании перемены обстоятельств’; компонент *сидеть* принадлежит к антропо-деятельностному коду; в образе фразеологизма отражено древнейшее представление о тесной связи дела со временем, содержится стереотипное представление о пассивном ожидании чего-либо [Телия, 2012, с. 634]. Выражение 守株待兔 (shǒu zhū dài tù) буквально переводится как «сторожить пень в ожидании зайца», что означает ‘пассивно ждать дара судьбы или рассчитывать на милость рока’ [汉俄成语词典, 1998]. В данном фразеологизме содержится аллюзия на древнюю китайскую басню.

4) *Верёвки вить* — ‘полностью подчинять своей воле, вынуждать поступать по своему желанию’; компонент *вить* соотносится с антропо-деятельностным кодом; фразеологизм восходит к практике крестьянского быта и связан с ремесленной терминологией, содержит метафору, в которой человек уподобляется мягкому материалу, используемому при витье верёвки [Фёдоров, 2008, с. 107]. Китайский фразеологизм 任人摆布 (rèn rén bǎi bù) дословно «слушать других как поместить ткань», означает ‘слушать других, пусть другие управляют тобой’ [汉俄成语词典, 1998]. Этот фразеологизм восходит к практической деятельности ткачества и связан с процессом шитья ткани, когда люди по-своему ставят челнок.

5) *Ловить рыбу в мутной воде* — ‘преследовать свои корыстные цели, извлекать выгоду’; фразеологизм соотносится с антропо-деятельностным кодом культуры; в основе выражения лежит представление о древнем более легком способе ловли рыбы сетями в мутной воде, поскольку предполагается, что рыба не может видеть сеть [Телия, 2012, с. 361]. Китайская идиома 浑水摸鱼 (hún shuǐ mō yú), переводимая дословно «в мутной воде ловить рыбу», имеет метафорическое значение ‘извлекать для себя пользу из чьих-либо затруднений’ [汉俄成语词典, 1998]. Этот фразеологизм связывается с одним из образцов китайской военной стратегии: когда враги действуют бессистемно, нужно использовать случай, чтобы победить. При этом данное выражение используется для неодобрительной характеристики поведения, направленного на получение выгоды ненадлежащим путем. Оба фразеологизма передают стереотипное представление о нечистоплотном поведении, нацеленном на извлечение выгоды.

6) *Держать нос по ветру* — ‘беспринципно менять свои взгляды, оценки, поведение в зависимости от изменения обстоятельств’; компонент

держат в составе данного фразеологизма соотносится с зооморфно-деятельностным кодом культуры; фразеологизм основывается на зооморфной метафоре, уподобляющей поступки человека действиям животного и содержащей стереотип лицемерного поведения [Телия, 2012, с. 170—171]. Китайское выражение 见风使舵 (jiàn fēng shǐ duò) дословно «смотреть на направление ветра, чтобы переправить румпель», метафорически связано с работой моряков, поскольку *румпель* обозначает рычаг для поворачивания руля, в переносном значении — ‘поступать с оглядкой на посторонних, менять своё отношение в соответствии с изменением ситуации’ [汉俄成语词典, 1998]. Фразеологизмы отражают стереотипные представления о лицемерии и ненадёжности.

4. Заключение

Анализ русских и китайских фразеологизмов показал, что при описании акционального кода и его компонентов имеет смысл использовать термины сложной структуры, например: *антропно-деятельностный, процессуально-деятельностный, зооморфно-деятельностный, пространственно-деятельностный, деятельностно-игровой, физически-деятельностный, кулинарно-деятельностный, акционально-сакральный, акционально-трудовой, физически-процессуальный* коды, поскольку действия, обозначаемые глаголами, могут характеризовать разные стороны жизни. Изучаемый код может взаимодействовать с такими кодами, как антропоцентрический, биоморфный и др.

Чаще всего в составе рассмотренных фразеологизмов используются глаголы, принадлежащие к антропно-деятельностному коду. Идиомы включают в себя глагольные компоненты *петь, бросать, держать, ловить, метать, сбросить, разводиться, сидеть, ставить, падать* и др. В русских и китайских устойчивых единицах они повторяются, хотя используются асимметрично. Эти глаголы объединены общим значением действия, характеризуют речевую, интеллектуальную, психическую деятельность и поведение человека, выступают в качестве семантически мотивированного носителя культурной коннотации, чаще всего приносятся во фразеологизмы неодобрительную окраску. Русские и китайские фразеологизмы связаны с древнейшими архетипическими представлениями народов и отражают национальную-культурную специфику этих стран. Изучение особенностей репрезентации акциональной разновидности лингвокультурного кода средствами фразеологии помогает уточнить и углубить описание наивноязыковых представлений русских и китайцев.

Источники и принятые сокращения

1. Бирих и др., 2007 — *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь* : ок. 6000 фразеологизмов / А. К. Бирих, В. М. Мокшенько, Л. И. Степанова ; под ред. В. М. Мокшенько. — Москва : Астрель : АСТ : Хранитель, 2007. — 926 с.
2. Телия, 2012 — *Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий* / ответственный редактор В. Н. Телия. — Москва : АСТ — Пресс книга, 2012. — 784 с.
3. Федоров, 2008 — *Фразеологический словарь русского литературного языка* : ок. 13000 / сост. А. И. Федоров. 3-е изд., испр. — Москва : Астрель : АСТ, 2008. — 878 с.
4. 西安外国语学院编写组, 《汉俄成语词典 Китайско-русский словарь идиоматических выражений》, 西安, 陕西人民出版社, 1998, 1021页.

Литература

1. *Ветров П. П.* Фразеология современного китайского языка : Синтаксис и стилистика / П. П. Ветров. — Москва : Восточная книга, 2007. — 368 с.
2. *Виноградов В. В.* Об основных типах фразеологических единиц / В. В. Виноградов // *Избранные труды. Лексикология и лексикография.* — Москва : Наука, 1977. — С. 140—161.
3. *Мигранова Л. Ш.* Фразеология романа «Анна Каренина» как фрагмент языковой картины мира Л. Н. Толстого : автореферат ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Л. Ш. Мигранова. — Уфа, 2010. — 27 с.
4. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. — 288 с.

Phraseology as Means of Representation of Actional Code (by Material of Russian and Chinese Languages)

© **Bie Chunhong (2018)**, [orcid.org.0000-0001-9164-2786](https://orcid.org/0000-0001-9164-2786), SPIN-code 2292-3583, PhD student, Department of Russian Language, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia), 350612571@qq.com.

The article is devoted to the study of language and culture interaction through the prism of linguocultural code. It is indicated that the consideration of this topic is relevant for the development of the theory and practice of intercultural communication, while the action code is currently insufficiently studied. The material for the research is Russian and Chinese verbal phraseological units, which are considered as a means of representation of the actional variety of the linguocultural code. Particular attention is paid to the analysis of stable expressions, meanings of which characterize human behaviour, as well as speech, intellectual, mental activity. It is shown that in Russian and Chinese idiomatic expressions verbs are used asymmetrically, at the same time they are united by a com-

mon meaning of action, act as a semantically motivated bearer of cultural connotation, often bring disapproving color into meaning of phraseology. The author accompanies these examples with cultural comments necessary to identify stereotypical national ideas. It is noted that the actional code of linguoculture as a dominant concept is poorly represented in linguocultural studies, and there are only few works devoted to the comparative study of phraseological units of two languages.

Key words: linguocultural code; action variety; Russian and Chinese phraseology; cultural comment; mentality.

Material resources

- Birikh, A. K., Stepanova, L. I., Mokiyeenko, V. M. (2007) *Russkaya frazeologiya. Istoriiko-etimologicheskii slovar'*: ok. 6000 frazeologizmov. Moskva: Astrel; AST: Khranitel'. (In Russ.).
- Fedorov, A. I. (2008). *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka: ok. 13000*. Moskva: Astrel; AST. (In Russ.).
- Kitaysko-russkii slovar' idiomaticheskikh vyrazheniy* (1998). (In Chin.).
- Teliya, V. N. (ed.) (2012). *Bolshoy frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotrebleniye. Kulturologicheskii kommentariy*. Moskva: AST — Press kniga. (In Russ.).

References

- Migranova, L. Sh. (2010). *Frazeologiya romana «Anna Karenina» kak fragment yazykovoy kartiny mira L. N. Tolstogo: avtoreferat... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.01*. Ufa. (In Russ.).
- Teliya, V. N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokulturologicheskii aspekty*. Moskva: Shkola «Yazyki russkoy kultury». (In Russ.).
- Vetrov, P. P. (2007). *Frazeologiya sovremennogo kitayskogo yazyka: Sintaksis i stilistika*. Moskva: Vostochnaya kniga. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1977). Ob osnovnykh tipakh frazeologicheskikh yedinit. In: *Izbrannyye trudy. Leksikologiya i leksikografiya*. Moskva: Nauka. 140—161. (In Russ.).